

УДК 801. 83: 81“373

А. С. Жулинская

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблема интертекстуальности в лингвистике разрабатывается сравнительно недавно, так как изначально эта категория воспринималась исключительно как литературоведческая. Постепенно феномен диалогичности текстов стал привлекать внимание лингвистов, занимающихся проблемами понимания и интерпретации текста. **Актуальность обозначенной темы** обусловлена также несомненной значимостью конкретных видов и форм включения чужого текста.

Цель настоящей статьи — рассмотреть сущность феномена интертекстуальности, проследить, каким образом и почему категория интертекстуальности стала объектом исследования многих лингвистов. **Научная новизна исследования** заключается в обобщении и определении литературоведческого и лингвистического понимания проблемы интертекстуальности.

Термин “интертекстуальность” был введен в 1967 году теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой и употреблялся как основной литературоведческий термин при анализе художественных произведений постмодернизма. Исследовательница называла интертекстуальностью “текстуальную интер-акцию, которая происходит внутри отдельного текста” [4, с. 97]. Современная наука о языке для обозначения данной интер-акции одновременно с термином “интертекстуальность” использует такие термины как “феномен прецедентности”, “чужое слово”, “сверхтекстовые связи”, “межтекстовая коммуникация” и др.

При многообразии концепций интертекстуальности этот термин имеет довольно прозрачную внутреннюю форму, которая способствует пониманию самого слова: лат. Inter (приставка) — “между”, лат. Intertextum (форма супина) — “вплетенное внутрь”. Это помогает понять основной смысл интертекстуальности, который состоит в том, что новые тексты возникают на определенном фоне и в определенной традиции, из которой они появляются, одновременно обновляя ее.

Необходимо отметить, что основы понятийной базы интертекстуальности были заложены еще в 1920-е годы в трудах В. В. Виноградова, Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского, Б. М. Эйхенбаума, М. М. Бахтина и других ученых.

Новый термин был впервые употреблен Ю. Кристевой в статье “Бахтин: слово, диалог и роман” (1967), в которой исследовательница сформулировала свою концепцию, переосмыслив работу М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924), где автор говорит о полифоничности литературы и фиксирует феномен диалога текста с текстами (и жанрами). Но если М. Бахтин считал, что за любым диалогическим высказыванием стоит автор, то Ю. Кристева подошла к проблеме доста-

точно формально: ограничила ее сферой литературы и свела содержание интертекстуальности до диалога между текстами.

Классическую формулировку интертекста, по мнению большинства лингвистов-текстологов, дал Р. Барт: “Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат” [2, с. 417]. При этом Барта не интересуют источники происхождения текста, его интересует текст лишь как результат процесса диалога текстов. Мир в рамках интертекста становится текстом глобального масштаба, переключкой всех текстов.

Исследования феномена интертекстуальности в рамках литературоведения начались в 1981 году. Попытка вынести эту проблему в область исследования лингвистов, по нашему мнению, впервые предпринял Ж. Женнетт в своей работе “Палимпсесты: Литература во второй степени” (1982), рассматривая интертекстуальность как фактор соприсутствия в одном тексте двух или более текстов, реализующихся в таких приемах как цитата, аллюзия, плагиат и др., и определяя таким образом своеобразные маркеры интертекста. Это должно быть важно для исследователей-лингвистов, которых прежде всего будут интересовать способы включения интекста в новый текст.

Авторы вышедшего в 1985 году сборника “Интертекстуальность: формы и функции на английском материале” немецкие исследователи У. Бройх, М. Пфистер и Б. Шulte-Мидделих также попытались вывести проблему интертекста за рамки литературоведения, предложив конкретную классификацию интертекстуальных ссылок. Кроме того, их интересовала проблема функционального значения интертекстуальности — с какой целью, для достижения какого эффекта писатель обращается к произведениям своих современников и предшественников. Так, в немецкой лингвистике текста впервые обозначилась теория о сознательном использовании авторами различных форм интертекстуальности.

Предметом интертекстуального анализа, по мнению исследовательницы Ренаты Лахман, оказывается семантический уровень, так как главный акцент при анализе текста делается на смысловом структурировании текста и его интерпретации, и это соотносится с понятием “память текста”. Её сборник статей “Память и литература: Интертекстуальность в русском модернизме” (1990) стал первой самостоятельной монографией на данную тему.

Опубликованная в том же году книга “Интертекстуальность: теоретические и практические проблемы” рассматривает проблему разносторонне: с точки зрения теории культуры, теории литературы, анализа текста. Однако говорить о том, что здесь интертекст выступает как лингвистическая категория, на наш взгляд, преждевременно, хотя попытки научного описания несомненны. Интертекстуальность здесь является трансдисциплиной, а текст рассматривается как в узком смысле (литературный текст), так и в более широком — все, что может восприниматься как знаковая структура.

Среди отечественных исследователей идеи М. Бахтина о диалогичности текстов поддерживает и разрабатывает ученый-семиотик Ю. Лотман, пересматривая их в контексте структуральной поэтики. Он вводит понятие семиосферы как “синхронного семиотического пространства, заполняющего границы культуры и являющегося условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением” [6, с. 4], перекликающееся с проблематикой интертекстуальности.

В литературоведении долгое время единственной работой, опубликованной на русском языке, в которой интертекстуальность являлась объектом исследования, была книга И. П. Смирнова “Порождение интертекста” (1985). Здесь автор определяет интертекстуальность как “слагаемое широкого родового понятия, так сказать, **ИНТЕР** <...> **АЛЬНОСТИ**, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или в предшествующей литературе” [8, с. 11].

Смирнов в своем исследовании стремился создать так называемую “интертекстуальную логику” и связывает дальнейшую разработку интертекстуальной теории с теорией памяти, развивая, таким образом, концепцию Ренаты Лахман.

Трансформируя в теорию интертекстуальности теорию подтекста, Б. Гаспаров работает в этой же области. Ученый описал интертекстуальность как непременную и принципиальную открытость материала, пронизывающего собою текст. “Мотивный анализ” Б. Гаспарова” представляет собой изучение интертекстуальных “перекличек”, рожденных самой языковой тканью художественного произведения.

Н. А. Кузьмина говорит об интертексте как об объективно существующей информационной реальности, являющейся продуктом собственной деятельности человека. Монография Н. А. Кузьминой 1999 года “Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка” (переработана и переиздана в 2004 году) стала одной из наиболее интересных, на наш взгляд, работ по исследованию интертекстуальности как лингвистической проблемы.

Исследовательница определяет два типа прагматических условий восприятия интертекстуальности: текстовые и когнитивно-личностные. Текстовые — языковые средства и приемы, указывающие на необходимость включения в интерпретацию параметра интертекстуальности. Когнитивно-личностные условия определяют степень глубины интертекстуального пласта.

В. А. Руднев в “Словаре культуры XX века”, первом лексикографическом издании, включившем данное понятие, трактует интертекст как “основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам” [7, с. 113.].

С ним перекликается определение, данное И. В. Арнольд: “Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций” [1, с. 346].

В своей статье “Проблемы интертекстуальности в художественном тексте” лингвист делит при анализе интертекстуальность на внутреннюю (опознанную) и внешнюю (неопознанную), предлагая при этом анализировать не только виды включений (реалии, аллюзии, цитаты), но и их функции в основном тексте.

Как показал обзор лингвистической литературы, общепринятого определения сущности интертекстуальности как лингвистической категории до сих пор не существует.

Мы понимаем интертекстуальность как многоаспектную психолингвистическую категорию текста, указывающую на его коммуникативные отношения с другими текстами на содержательном, лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях и выражающуюся посредством языковых маркеров — интертекстом. Интертекстема в нашем понимании — это лингвистическое средство реализации интертекстуальных связей.

При лингвистическом исследовании интертекстуальности на первый план выступает коммуникативный аспект текста, то есть то, каким образом адресант, совершая интертекстуальный акт, апеллирует к адресату.

В настоящее время продолжают исследования интертекстуальности как с литературоведческой, так и с лингвистической позиций. Исследование языковых маркеров, а также закономерностей функционирования интертекстом в тексте позволит лингвистам добиваться более глубокого исследования текста, так как зачастую без учета интертекстуальных ссылок понимание текста оказывается затруднительным, а порой и невозможным.

Литература

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Научн. редактор Г. Е. Бухаркин. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 1999. — 444 с.
2. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 417
3. Гаспаров Б. Г. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. — М., Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Пер. с фр. Г. К. Косикова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 1995. — №1. — с. 97-124.
5. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах функционирования поэтического языка. Изд. 2. — 2004. — 272 с.
6. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. — СПб.: Искусство, 1996. — 848 с.
7. Руднев В. А. Словарь культуры XX века. — М.: АГРАФ, 1997. — 381 с.
8. Смирнов И. П. Порождение интертекста. (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака). — СПб., 1985. — 191 с.

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2005 г.